

Анастасия Строкина
Данте из Рыбного переулка
strokkind@gmail.com

1.

– Хоть бы уже земля под тобой треснула! – и на стол с грохотом обрушилась огромная салатница с одиноким нарезанным помидором, присыпанным солью. – Скоро будем есть твою проклятую резину!

– Верочка, да не проклятая она! Это уникальный состав! Просто нужна реклама. Правильная подача, понимаешь?

– Я понимаю, что еще месяц такой жизни – и...

В этот момент заплакал малыш Бо. Мама взяла его на руки из детского кресла:

– Ну-ка не реви!

– Обещаю! Скоро все наладится! – промямлил папа и весь за секунду согнулся, как горелая спичка. Но его глаза сияли каким-то болотным огоньком. – Вера! Вова! Я уже все придумал! Я придумал главное – название! Вот послушайте: первый непромокаемый, непродуваемый резиновый плащ ПОМПУТ – «Помощник Путешественника»! А! Как вам?! С таким названием мои плащи разлетятся за неделю! ПОМПУТ!

Малыш Бо снова заплакал.

Полгода прошло с тех пор, как папа объявил, что отныне он будет не простым химиком, а сам-себе-начальником! Он завел собственное дело – изготовление «уникальных» плащей из «уникального» резинового состава – и целиком посвятил себя этому, как он считал, важному занятию.

2.

– Я уверен, ему бы понравилось название! – произнес папа, и разволновался, и даже выпрямился от волнения.

– ЕМУ?! – возмутилась мама. – Слышать больше не хочу! Это бред! Это все бред! И плащи твои бред, и этот твой персонаж!

– Данте Майвиссуто – не персонаж, а мой прадед! – вмешался я.

– Час от часу не легче! – мама держала малыша Бо, как будто он был большим кабачком с грядки и через минуту она сделает из него рагу. – Сам без мозгов и ребенку голову задурил! – и тут она строго и устало посмотрела на меня. – Ты Вова Морковин! Из Выборга! И никакого итальянского прадеда у тебя не было! Да его вообще не было! Данте из Рыбного переулка! Тоже мне!

- Как это не было? – возмутился папа. – А могила на Сорвальском кладбище?
- Какая еще могила? Ты сам-то видел ее? – не верила мама.
- Я не видел. Потому что не искал. Но она там есть.
- И что ж ты ее не найдешь, если она там есть?

Папа промолчал.

– Потому что это все сказки! – заключила мама. – Придумал себе родственника! Скажи еще, что это твой Данте надоумил тебя уволиться и пустить семью по миру! И вообще так звали поэта. Мог бы выбрать имя попроще!

– Ничего я не выбирал! – оправдывался папа. – Имя просто такое. Популярное. Фамилия ведь у него другая! Своя!

3.

Отто Иванович Маккара жил на улице Сторожевой Башни, на втором этаже, в квартире с балконом. На этом балконе он хранил гроб. И черную, как бездна, могильную доску.

– Отто Иванович, добрый день! Меня прислали из агентства, в котором вы заказывали некоторые... принадлежности...

– Что? Вы кто?

Отто Иванович слышал и видел кое-как, и я, признаться, надеялся на его плохое зрение и слух. На мне была широкополая шляпа отца, мамины очки и старое бабушкино пальто.

Тихим и томным голосом я повторил:

– Меня зовут Антонина Валентиновна, я из агентства, где вы заказывали то, что стоит у вас на балконе.

Маккара смотрел на меня рыбьими глазами.

Тогда я решительно перешел к делу и выпалил все одним разом:

– Я из ритуальных услуг, где вы заказывали плиту! Сегодня нашим любимым клиентам мы предлагаем бесплатно заменить небольшую доску на внушительный монумент!

Отто Иванович замешкался, хмыкнул и уточнил:

– Как на монумент? На целый памятник?

– Огромный! В полный рост! – ответил я. – Вы сдаете свою доску, а взамен мы изготовим вам памятник. Как Торгильсу Кнутссону у Ратуши.

– Тоооргильсу..., – потянул Маккара, – Кнутссону? А вы сумеете?

– Конечно! Точно такой же сделаем! Только с вашей головой!

Отто Иванович помолчал, посмотрел в потолок – видно было, что он размышляет. Потом он резко развернулся и вышел, а уже через минуту вернулся с черной-пречерной доской на скрипучей тележке.

– Щит и меч с моего памятника можете убрать, – деловито произнес он и протянул плиту. – А кольчугу... Кольчугу Кнутссона оставьте. Это как-то необычно. Как-то с вызовом!

4.

Осенью на Сорвальском кладбище тишина. С прошлых времен могил здесь осталось немного. «Ничего страшного, – подумал я, если одной будет больше. Никто не заметит».

На плите Маккары криво, косо, коряво я выбил заветное слово: DANTE. На фамилию уже не хватило ни сил, ни места. Долото для этого дела мне притащил друг Леня, а молоток я взял у отца. Надгробие итальянского предка я вкопал поглубже, но не ровно, а слегка набок – чтобы оно как будто покосилось от времени. Для придания древнего вида я испачкал плиту грязью, подбил молотком и украсил мхом.

5.

– Я нашел! Нашел ее! – завопил я с порога и влетел на кухню.

Мама качала малыша Бо и варила суп. Папа пасмурно перебирал тетрадные листы с названиями для «своего дела». Бабушка громко вздыхала в комнате.

– Да отвлекитесь вы! – не выдержал я. – Тут такое! Такое! Я нашел могилу Данте!

– Что еще ты там нашел? – мама равнодушно продолжала помешивать суп. Но папу как подменили: он вскочил, скомкал листы и с силой бросил бумажный шарик под ноги:

– Что я говорил?! А? Вера! Ты слышишь? Я же говорил! Вот оно! Нашеее! – отец взъерошил мне волосы. – Где нашел?

– На кладбище, где же еще, – смутился я.

– Едем немедленно! Вера, собирайся! Я одену Бо, а ты помоги бабушке.

– Вы спятили оба? – спросила мама, но уже не с равнодушием, а с негодованием и даже интересом.

– Он был! Видишь, он был! – ликовал отец. – Это знак! Он хочет, чтобы я назвал свое производство его именем! Непромокаемые плащи Данте – защитят от непогоды на этом свете и на том!

Через полчаса мы уже стояли у могилы Данте: я, мама, малыш Бо, папа и бабушка.

Стояли и молча смотрели на мою кривую надпись. А, может, и сквозь нее.

Вечерний ветер нагнал туч, и капля за каплей – начался дождь. А мы все бесстрашно стояли, и даже малыш Бо не плакал, как будто и ему понятно, что мы все – под плащом, что нам не страшен ни дождь, ни ветер, ни разъяренный тигр, ни племя туземцев, ни шторм, ни лавина, ни землетрясение, ни пожар, ни желтая лихорадка.